

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'373.2
DOI 10.17223/18137083/64/16

А. Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры.

II. Водный транспорт: «сойма», «буса», «камья» («комяга», «комляга», «коняги»), «барка», «халка»

Статья продолжает ранее начатую серию публикаций, посвященных происхождению и истории русских, в особенности русско-сибирских, обозначений судов (морских и речных) и лодок. Интерес, вызываемый этой группой слов, состоит прежде всего в том, что они обозначают объекты материальной культуры, сыгравшие весьма заметную роль в русской колонизации обширных пространств Севера и Сибири и выдающихся географических открытиях. В данной статье рассматриваются старорусские и диалектные названия судов и лодок *сойма* (*soyma*), *буса*, *камья* (и варианты), *барка* и *халка*. Рассматривается главным образом происхождение слов, но в связи с этим и другие аспекты их истории и географии.

Ключевые слова: материальная культура, лексика, этимология, водный транспорт, названия.

Статья является продолжением ранее начатой серии публикаций, посвященных происхождению и истории русских, в том числе русско-сибирских обозначений судов (морских и речных) и лодок. Определение «сибирские» отнюдь не исключает наличия слова в русских диалектах к западу от Урала. Интерес, вызываемый этой группой слов, состоит кроме прочего в том, что они обозначают объекты материальной культуры, сыгравшие весьма заметную роль в русском освоении обширных пространств Севера европейской России и Сибири и сопутствовавших ему выдающихся географических открытиях. В предшествующей статье речь шла о диалектизмах *коч*, *бат* и *ветка* [Аникин, 2017]. В данной публикации рассматриваются старорусские и диалектные названия судов и лодок *сойма* (*soyma*), *буса*, *камья* (и варианты), *барка* и *халка* 'баржа'¹.

¹ Относительно слов *сойма*, *камья* и *халка* см. также [Аникин, 2000], относительно *буса* – [РЭС, вып. 5].

Аникин Александр Евгеньевич – академик РАН, заведующий сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alexandr_anikin@mail.ru)

Лексические данные анализируются на фоне сведений из истории использования реалий (плавательных средств) в процессе колонизации Севера и Сибири. Материал рассматривается также в связи с темами древненовгородской и севернорусской колонизации, а также возможности «привязки» отдельных слов к конкретным путям за Урал. При рассмотрении *камья* и др. объясняется незначительное присутствие слова в Сибири. Для диалектизма *халка* оказывается актуальной не столь редкая ситуация, когда русское слово подключается к древним лексическим связям языков Сибири. При анализе названия *сойма* затрагивается также тема состава словника исторических словарей сибирской лексики.

1. Сойма

Данное название как будто не засвидетельствовано в источниках по русскому языку в Сибири как таковых, но в свое время (в промежутке между концом XVI и XVIII в.) бытовало в Сибири с большой степенью вероятности. По-видимому, подобное заключение допустимо и для ряда других слов в составе лексики великорусских (прежде всего, севернорусских) говоров, что влечет существенный вывод: слова, о которых идет речь, целесообразно отражать (с соответствующими пометами) в исторических словарях русско-сибирской лексики.

Для истории слова *сойма* является важным сообщение англичанина В. Персглоу (W. Pursglove) от 1611 г., в котором это слово фигурирует: оно обозначает суда, на которых добирались из Пустозерска в низовьях Печоры до Мангазеи (у Персглоу *Molgomsay*) на реке Таз: *Also the Russe Soymas or Boats and those of Pustozera, come thither with their Meale and other Merchandizes; The Russes... sayle for Molgomsay in their Soymas...* ‘Сюда приходят также соймы или боты русских и пустозерских жителей со своею мукою и товарами; Когда русские... плывут в Мангазею в своих соймах...’ [Алексеев, 2006, с. 192]. Едва ли можно сомневаться, что слово *soymas* (с английским показателем pluralis *-s*) = рус. *соймы* употреблялось в Мангазее, т. е. на севере Западной Сибири, что является существенным дополнением к имеющимся довольно обширным историко-лингвистическим данным по этому слову, которые здесь приводятся лишь выборочно.

В записи англичанина Р. Джемса (1618–1619) *soïma* ‘большая некрасивая легкая лодка, которую... обычно тащат за собой, когда отправляются промыслять тюленей’ [Ларин, 1959, с. 195, 263] Мангазея не упоминается. Однако, учитывая, что сведения о русских судах Джемс, по всей вероятности, записывал в Холмогорах от участников Мангазейского похода 1600 г. или близких к ним людей [Там же, с. 240], можно полагать, что запись Джемса актуальна и для Мангазеи. В русских говорах (преимущественно северо-западных: новгородских, псковских, беломорских, онежских, ладожских) *сойма* выступает как название грузового или рыбацкого парусного (парусно-весельного) судна (большой лодки), иногда специально приспособленного для ловли неводом или сетью или для перевозки живой рыбы (см. подробнее [Аникин, 2000, с. 501]). Интересно диалектное речение: новг. *Рушишка или руська лодка, иначе и чаще сойма* [СРНГ, вып. 39, с. 228].

Слово известно в русском языке как минимум с 1576 г. (Д. Н. Шмелев, см. [ЭСРЯ, т. 3, с. 707]), с предполагаемым значением ‘небольшое речное или озерное судно с одним парусом’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 26, с. 110]. Вполне правдоподобно, что *сойма*, несмотря на фиксацию в памятниках письменности лишь с XVI в., входило в лексикон новгородцев еще до начала колонизации холмогорского края [Ларин, 1959, с. 37].

Происхождение слова *сойма* давно известно: из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *saima* ‘вид парусника’ < ф.-перм. **šajima* ‘выдолбленная из дерева посудина, судно’. Имеется обратное заимствование в финский: *soima* ‘большая

лодка, плашкоут' < рус. [Stipa, 1981, S. 54; SSA, vol. 3, s. 142–143; ЭСРЯ, т. 3, с. 707].

Слово *сойма* может быть расценено как один из лексических «индикаторов» самого северного (и самого раннего) пути в Сибирь из устья Северной Двины – Мангазейского морского хода. Важным индикатором этого рода было и рассматривавшееся в [Аникин, 2017] сибирское и севернорусское *коч(а)* ‘палубное мореходное судно, на котором плавали по Печоре, в Обскую (resp. Тазовскую) губу для торговли с Мангазейей’, в записи Р. Джемса *koche* ‘небольшие морские суда, на которых... ходят из Архангельска в Мангазею через многие озера и реки, причем, местами... волокут эти суда по суше’ [Ларин, 1959, с. 146–147]. Одна из возможных причин исчезновения слова *сойма* в Мангазее (и Сибири) в том, что оно могло быть вытеснено словом *коч(а)* или иным названием судов.

В лексикон русских первопроходцев и ранних русских насельников Сибири, по-видимому, входило немало севернорусских слов, по разным причинам «не закрепившихся» за Уралом и не оставивших следов своего существования ни в памятниках письменности, ни в говорах.

2. Буса

Рассмотрение данного слова удобно начать с восточносибирских названий XVII в.: *бусы* мн. ‘суда вроде баржи’ (Н. Г. Спафарий, см. [Аникин, 2000, с. 147]), *буса* ‘род судна’ [Панин, 1991, с. 14]. В Сибири слово было известно от Верхотурья (обозначавшийся им тип судов строился на Верхотурской верфи) до Амура. Восточносибирские слова образуют крайневосточную часть обширного ареала лексемы, сформировавшегося в немалой степени благодаря сибирской колонизации.

Особняком стоит диалектизм хаб. *бусá, бусы́* мн. ‘китайская лодка, джонка’ [Приамур. сл., с. 32], о котором будет сказано далее отдельно.

Лексический материал по слову *буса* весьма обширен, и его приходится дать здесь лишь частично, в виде обзора. В русских говорах (вологодских, владимирских, вятских, уральских, оренбургских и др.) *бу́са* встречается или встречалось некогда как обозначение речной долбленой лодки, а также двух выдолбленных скрепленных колод, служащих для плавания [Даль, 1880, т. 1, с. 144; СРНГ, вып. 3, с. 302]. В XVIII в. засвидетельствовано *бу́са* ‘дубовое долбленое двухмачтовое судно, похожее на ладью’ [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 172], *судно морское... в Астрахани... с одною маштою и прямыми парусами, рубленые; которые часто погибали и для того оставлены* [Татищев, 1979, с. 201].

Примеры более раннего времени: *буса* ‘род судна’: *...пришедши Мурмане воиною... въ бусахъ и въ шнекахъ...* (в Новгородской I летописи под 1419 г., см. [Срезневский, 1893]), *на кизылбаишскои бусѣ* 1646 [Срезневский, 1893, т. 1, с. 194; СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 358], *busza* ‘одномачтовое судно’ 1607 [Fenne, p. 74], *буса* ‘небольшой одно-, двухмачтовый корабль’ 1583, *буска* 1568 [СОРЯМР XVI–XVII, т. 1, с. 310], *А задереть вѣтроль на морѣ датцкую бусу...* 1517 [Thörnqvist, 1948, S. 146], *а торгуеть новгородецъ съ немчиномъ... а будетъ товаръ у немчина в бусѣ...* 1482 [Thomas, 1971, p. 176]. В допетровскую эпоху слово выступало обычно как название торгового, купеческого судна и было известно на Каспийском и Балтийском морях, широко употреблялось на Дону и на Волге.

Приведенные диалектные и старорусские факты являются филиацией бродячего слова, которое в Средневековье было известно от Венеции до Исландии. В русский язык оно было усвоено из германских языков, причем локус заимствования относят скорее не к Беломорскому северу, а к Балтийскому северо-западу, где имели место интенсивные сношения новгородцев и псковичей с иноземцами.

Б. Л. Богородский [1968б, с. 240–245] обосновал вторую возможность, хотя первую не стоит сбрасывать со счета.

Исходя из того, что заимствования попадают в живую речь за полторы-две сотни лет до первых письменных фиксаций [Там же, с. 244], есть основания считать, что *terminus post quem* усвоения *буса* в русский язык мог быть XIV или даже XIII в. В качестве названия военного судна скандинавов (см. выше *Мурмане... въ бусахъ*) оно заимствовано, возможно, из др.-сканд. *bussa, búza* ‘пиратское судно’. Как название торгового или грузового судна на Севере могло быть усвоено из того же источника или, учитывая вхождение Новгорода в Ганзейский союз, из ср.-н.-нем. *búse* [Thörnqvist, 1948, S. 142–149; ЭСРЯ, т. 1, с. 250–251; т. 4, с. 462; Gardiner, 1965, p. 71–72; Thomas, 1971, p. 176–177], ср. н.-нем. *Büße, Heringsbüße* [Kluge, 1911, S. 167–168], ср.-лат. *bucia* с неясной (романской?) этимологией. Эта группа слов (куда относятся также норв. *buse* и голл. *buis*, ср.-голл. *buisse* ‘судно для ловли сельди’) повлияла на англ. устар. *buss* ‘грузовой корабль’ < ст.-франц. *busse, buce* [ODEE, p. 130; FT, Bd 1, S. 122]. Б. Л. Богородский [1968б, с. 246, 249] считал наиболее вероятным источником русского слова норв. *buse*.

Сомнительно мнение о заимствовании в русский язык из староитальянского, опирающиеся на фигурирующие в старых венецианских документах названия *buzia, butzo, bucea* и упомянутое выше ср.-лат. *bucia* (см. об этом: [Ван-дер-Коп, 1910, с. 14]).

Историю слова на русской почве, опираясь на соображения Б. Л. Богородского, можно представить в следующем виде. От новгородцев слово *буса* распространялось по восточноевропейским водным путям – в бассейн Днепра (хлеб в Новгород везли из приднепровских областей) и др. Из Новгорода слово было усвоено и Москвой. В московскую эпоху, особенно интенсивно в XVI–XVII вв., оно было занесено на Волгу, Каспий и в Сибирь. Его сохранение в волго-вятских говорах в качестве названия двух скрепленных выдолбленных колод для плавания можно расценить как реликт новгородской колонизации, с периферийным для исходного морского термина переосмыслением. После петровского запрета строить устаревшие суда слово *буса* стало выходить из употребления, сохраняясь лишь в народных песнях Поволжья, где разворачивалось восстание Степана Разина [Богородский, 1968б, с. 240–250; Мжельская, 1988, с. 131–132].

По мнению С. А. Мызникова [2007, с. 331], *буса* в значении ‘лодка-долбленка’, с которым он отождествляет и упомянутое выше приамурское *бусá, бусы́* мн. ‘китайская лодка, джонка’, может иметь сепаратную этимологию. Он допускает заимствование из коми *бус* ‘длинное широкое корыто для кормления домашнего скота’. Недостаточно ясно однако отношение последнего к предполагаемым параллелям в других уральских языках (марийск. *пуш* ‘лодка’ и проч.), что оставляет возможность заимствования в коми из русского. Предположение С. А. Мызникова не имеет обязательного характера. Значение ‘лодка-долбленка’ и (на Дальнем Востоке) ‘джонка’ могло возникнуть из ‘большая лодка’ < ‘(большое) судно’.

В XVIII в. было известно рус. *бюйс, буйс* ‘двухмачтовое судно для ловли сельди’ [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 188] – из упомянутого голл. *buis* [Meulen, 1909, p. 51].

3. Камья, комяга, комляга, коняги

Приводимое в словаре В. И. Даля диалектное (в сибирских, псковских говорах) *камья́* ‘лодка-долбушка, бат, однодеревка, душегубка’ [Даль, 1881, т. 2, с. 83] является как будто единственным для сибирских говоров свидетельством. В отсутствие сколько-нибудь точной локализации можно говорить о недостаточной достоверности бытования слова в Сибири. Вместе с тем наличие слова у Даля и необходимость объяснить его незначительное присутствие в Сибири оправдывает его рассмотрение в данной статье. Слово широко известно в говорах Евро-

пейской части России, притом в довольно многообразных вариантах, с параллелями в украинском, белорусском и польском языках.

В качестве предварительного замечания можно отметить, что в *камья* предлагалось видеть тюркизм, усвоенный из тюрк. *kāmā* ‘лодка’, с которым связаны перс. (< тюрк.) *kēmā*, *gāmī* ‘корабль’, осет. (< тюрк.) *k’eta*, *keta* ‘то же’, груз. *geti* ‘корабль, парусное судно’. Тот же тюркизм известен в ряде других языков, в том числе иранских, кавказских и балканских [Абаев, 1958, т. 1, с. 593; Doerfer, Bd 3, S. 668–669; Räsänen, 1969, S. 261]. Речь идет о бродячем слове (Wanderwort), филиацией которого могло бы быть и рус. *камья*.

Однако тюркская этимология фонетически затруднительна: в первом слоге русского слова ожидался бы гласный переднего ряда – **кемя* или нечто подобное. Кроме того, *камья́*, конечно, нельзя отрывать от известного в тверских, псковских, новгородских, смоленских говорах *комья́* и *кóмья* ‘лодка-однодеревка’, ‘две лодки-однодеревки, соединенные вместе’ [СРНГ, вып. 14, с. 241]. Это название лодки лишь суффиксом (-*ья*) и некоторыми значениями (например, ‘бревно’) отличается от широко известных в русских говорах (южных, псковских, новгородских, вологодских, подмосковных, некоторых сибирских и других) слов *комья́га* ‘лодка-однодеревка’, ‘выдолбленное из одного дерева большое корыто для кормления или поения скота’, *комля́га* в тех же значениях, *комля́ги* мн. ‘две лодки-однодеревки, соединенные вместе’ [Там же]. Ср. ст.-рус. *комяга* (XVII в.) ‘выдолбленное в виде корыта бревно для хранения воды’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 268]. Слово известно на значительной части восточнославянской территории, а также в польском: помимо рус. фактов ср. ст.-укр. *комяга* ‘род большой бочки’, блр. *камья́га* ‘корыто для водопоя’, польск. *komięga*.

Совершенно неубедительно, прежде всего в формальном отношении, довольно распространенное в прошлом (отчасти и до сих пор) мнение, согласно которому *комяга* заимствовано из голл. *komteken* ‘суденышко, корытце, блюдо’, ср. новонем. *Kumte*, *Kumt* ‘глубокий круглый сосуд’, причем, исходным признается значение типа ‘посудина’ [Berneker, 1908, Bd 1, S. 553; ЭСРЯ, т. 2, с. 307]. Сомнительно и мнение, согласно которому для польск. *komięga* ‘вид плота с бортами наподобие корыта’ этимологически первичен вариант без *ę*- *komięga* ‘то же’, ‘вид корыта’, будто бы из **kumiega* < ср.-в.-нем. *kumm-egge*, ср. упомянутое нем. *Kumt* и *Egge* ‘борона’, диал. ‘вид плота’ [Bańkowski, 2000, t. 1, с. 767].

В последнее время преобладает точка зрения, согласно которой рассматриваемые славянские слова происходят из праслав. **komęga* ‘колода’, ‘лодка-долбенка’, ‘лодка-однодеревка’, ‘выдолбленное из бревна корыто’, которое отразилось также в польск. редк. *komięga* ‘грузовое речное судно для перевозки зерна’, (диал.) ‘лодка-однодеревка’. Лексему **komęga* с давних пор объясняют как дериват с суффиксом -*ęga* от **комъ* ‘ком’, указывая на родство с **къту*, **къмене* ‘ствол дерева, колода’ [Sławski, 1974, t. 1, s. 66].

О. Н. Трубачев [ЭССЯ, вып. 10, с. 173] усматривает слабость этого объяснения в том, что у **комъ*, как он полагает, практически нет значения ‘ствол дерева’, явно исходного для **komęga*. Он делает правдоподобное предположение, что исходить следует из консонантной основы **komen-* с суффиксом -*ga*, связанной с лит. *katėnas* ‘ствол, стебель’. Архаичности данного образования не противоречит редкость форманта -*ga*, который встречается всего в одном надежном примере: праслав. **stru-ga* ‘поток’ [Sławski, 1974, t. 1, s. 65]. В развитие этого решения можно предположить, что исходное праслав. **komen-ga* > **komęga* пережило в своей истории переразложение в **kom-ęga* (суффикс -*ęga*), наряду с которым появилось образование с другим суффиксом – **ком-ья* и его варианты, включая форму с суффиксом -*яга*, откуда *комля́га*.

Не расценивая этимологию **komęga* от **комъ* как наилучшую, можно заметить, что она все-таки не безнадежна, в пользу чего свидетельствуют аргументы

Б. Л. Богородского (ранее А. Брюкнера), а именно ссылки на факты типа польск. *syrokomla* ‘сырой, влажный пенёк’, а также на то, что суда часто именовались по деревьям или частям деревьев, из которых сделаны: *дуб*, *дубок* ‘дерево’ и ‘лодка’, *колода* ‘лежащее толстое дерево’ и ‘лодка’ и под. [Богородский, 1968а, с. 99].

Формы *комяга*, *комляга* не имеют древних фиксаций (в памятниках письменности лишь с XVII в.). Данные, подтверждающие древность рассматриваемого материала, могут быть усмотрены в рус. диал. волог. *коняги* мн. ‘две лодки, соединенные вместе’ [СРНГ, вып. 14, с. 279]. Pluralis tantum, видимо, из-за «двойной» природы денотата. Здесь же уместно привести твер. *коняга* ‘выдолбленное из дерева корыто для корма лошадей’ [Там же], которое позволяет думать, что форма *коняги* относится к лодкам-долбленкам. Рус. *коняги*, *коняга*, по всей вероятности, исторически тоже являются дериватами с суффиксом *-jaga*, но отражают реликт фонетики древненовгородского диалекта, а именно развитие *мл’ > н’* как в случае *крень* – *кремль*, *на зени* – *на земли* и проч. [Зализняк, 1988, с. 66]. Нет достаточных оснований считать (на что указывает и А. А. Зализняк [Там же]), что имело место спорадическое развитие *комяга > коняга*, например, под влиянием *конь*, *коняга*.

В этом случае проблематично или нуждается в оговорках нередкое предположение (например, в [Verneker, 1908, Bd 1, S. 553]) о заимствовании из польского в восточнославянский. Особенно подробно данная версия развита Б. Л. Богородским [1968б], у которого можно найти в этой связи подробное описание ареала слова в соответствующих языках, особенно в русском наряду с историей его (и соответствующих реалий – плавательных средств) распространения: Висла, Западный Буг, Днепр, Дон, Причерноморье, Москва, брянская, смоленская, псковская, новгородская и тверская земли. Лингвогеографические наблюдения Б. Л. Богородского существенно независимо от того, справедлива ли его «польскоцентричная» точка зрения на восточнославянский материал.

Он обращает внимание на то, что *комяга* и проч. были распространены по преимуществу на территориях, некогда входивших в состав Великого Княжества Литовского или примыкавших к нему. В меньшей степени слово распространилось в восточном и северных направлениях, почти отсутствуя на тех севернорусских территориях, с которых шли основные колонизационные потоки в Сибирь. Это позволяет понять слабое присутствие слова в Сибири, особенно варианта *камья́*, который представлен, как уже сказано, лишь свидетельством (не слишком надежным и малоинформативным) словаря Даля.

В целом «польскоцентризм» Богородского в вопросе о рус. *комяга* выглядит довольно убедительным, как и предложенная им схема распространения слова: польск. *komięga* > укр. блр., зап.-рус. > южнорус. Однако ввиду рус. диал. *коняги*, *коняга* предпочтительнее думать, не исключая заимствования из польского в украинский и белорусский (отчасти, возможно, и в русский), о праслав. диал. (польск., др.-новг.) **komega*, **komjaga* от **koten-* или **kotъ* (см. выше). Следует напомнить, что некоторые специалисты принимали в данном случае заимствование из украинского в польский (см. по этому поводу [Sławski, t. 2, s. 383–384]).

Еще один вопрос истории рус. *комяга* касается его отношения к коми *кумли* (*комли*) ‘кухонная деревянная чашка’, ‘деревянное корытце для отвеивания зерна от мякины’: коми < ? рус. [КЭСК, с. 145–146].

4. Барка

Это слово в значении ‘речное грузовое судно’, засвидетельствованное в Сибири XVII в. [Панин, 1991, с. 8], вполне можно расценить как лексический реликт севернорусской колонизации, ставшей продолжением новгородской. Уместно привести некоторые великорусские параллели старосибирского слова: *барка* ‘об-

шее название сплавных, плоскодонных судов для кладь, 'речное грузовое судно грубой постройки, идущее одну нижнюю путину, а затем в ломку' [Даль, 1880, т. 1, с. 49–50], онеж. 'лодка с низкими бортами и срезанной кормой, используется на промысле семги' [СРНГ, вып. 2, с. 116–117], пск. 'небольшое грузовое речное судно' [ПОС, вып. 1, с. 119], 'плоскодонное речное грузовое судно', 'понтон, плашкоут' конец XVII – начало XVIII в., уменьш. *барочка* 1674 [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 74], *барка* XIV–XV вв.: *вложше же Митя в барку* (Новгородская IV летопись под 1377 г., см. [Gardiner, 1965, p. 57]). Следует подчеркнуть наличие слова в новгородской летописи и северо-русских говорах.

Что касается происхождения, то можно думать о заимствовании в русский язык из ср.-н.-нем. или ср.-в.-нем. *barke* 'небольшое судно без мачты' < ср.-голл. *barke* 'судно для прибрежного плавания'. Допускают также [Черных, 1994, т. 1, с. 75] заимствование из др.-сканд. *barki*, др.-датск. *barke* = датск. и др. *bark* 'барка, баржа' [FT, Bd 1, S. 50–51]. Ввиду ранних фиксации неприемлемо заимствование из нем. *Barke* или франц. *barque*, которое принимал М. Фасмер [ЭСРЯ, т. 1, с. 127].

Германские факты романского происхождения, ср. итал. *barca*, франц. *barque* и проч. романские слова обычно возводят к лат. *bārca* < *bārica* < греч. βάρης < копт. *barī* 'челн (на Ниле)' [Kluge, 1999, S. 81; Doerfer, Bd 2, S. 234].

От указанного *барка*, по-видимому, следует отделять рус. *барк* 'род парусного, иноземного судна' [Даль, 1880, т. 1, с. 50], 'трехмачтовое судно с особой оснасткой' 1568 [Ван-дер-Коп, 1910, с. 24]. Это слово, видимо, из англ. *bark*, поскольку подобное судно было построено в 1568 г. в Ярославле для путешествия английского посла Томаса Рэндолафа по Волге к Каспийскому морю [Ван-дер-Коп, 1910, с. 24; ЭСРЯ, т. 1, с. 127].

Что касается рус. *барк*, *барка* в значении 'небольшое парусное или гребное судно (в Западной Европе)', 'военное судно; род лодки, шлюпки при корабле' [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 127], *барка* 'лодка' (*по... улицамь* [Венеции]... *вздыт в барках* XVI в. [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 74]), то круг возможных источников этих слов еще более широк и включает, в частности, итал. *barca* 'лодка, шлюпка' [Gardiner, 1965, p. 57–58; Демьянов, 2001, с. 331]. Выдвигалось предположение, согласно которому различие между нем. *bark* и *barke* «у немцев Балтийского края» могло сложиться под русским влиянием [Ван-дер-Коп, 1910, с. 24].

5. Халка

Это слово дает весьма яркий пример (один из довольно многочисленных) ситуации, когда русские слова, заимствованные из языков Сибири, подключаются к древним лексическим связям между этими языками (лексические изоглоссы, заимствования).

Рус. диал. хаб. *халка* 'баржа' [Приамур. сл., с. 314] – тунгусо-маньчжурского происхождения. Его источником послужило, слово типа нан. *халикуо*² 'лодка (большая), судно (парусное)', ульч. *халку* 'лодка большая; баржа, судно (парусное)', нег. *халуку* 'лодка (большая, парусная)', сюда же нивх. (< т.-маньчж.) *халк* 'лодка', нег. (запись А. М. Певнова и М. М. Хасановой) *алка* 'большая лодка'³, ср. *алка-гда* 'оморочка (байдара берестяная)'.
 Речь идет о сибирском бродячем слове. Довольно давно известно, что хант. (низям.) *лакйп*, (обд.) *алакон* 'род судна' происходят из тунг. **х̄ала.kun* (-*kun* – увеличительный суффикс). Тунгусское слово может быть связано с нан. *алио* 'по-

² Тунгусо-маньчжурский материал дается в упрощенном виде.

³ «На таких лодках плавали даже в Маньчжурию за товаром» (устное сообщение А. М. Певнова).

суда' и т. п. в соответствии с нередко встречающимся в разных языках развитием семантики типа 'посудина' > 'лодка, судно', ср. фин. *astia* 'сосуд, посудина', (устар.) 'лодка' и под. [Futaky, 1975, S. 73], см. выше о слове *комяга*.

Из хантыйского заимствованы нен. (обд.) *ālakōn* 'род крытого грузового судна на р. Оби' и сельк. (Таз) *ala, alako, alaqo* 'лодка' [Futaky, 1975, S. 72–73; DEWOS, S. 92]. Манс. (Сосьва) *alakon*, видимо, также из хантыйского.

Список литературы

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1989. Т. 1: А–К'. 1958.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарии. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. Москва; Новосибирск, 2000.

Аникин А. Е. О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры. I. Водный транспорт: «коч», «бат», «ветка» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 140–149.

Богородский Б. Л. О полузабытом судовом термине *комяга* // Брянские говоры. Материалы и исследования по диалектологии. (К изучению брянских говоров). Л., 1968а. С. 89–103. (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена; Т. 325).

Богородский Б. Л. Судовой термин *буса* // Псковские говоры II. Псков, 1968б. С. 240–250.

Ван-дер-Коп А. К вопросу о голландских терминах по морскому делу в русском языке // Изв. Отделения русского языка и словесности. 1910. Т. 15, кн. 4.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. М.: ГИС, 1955. (Набрано и напеч. со 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).

Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.

Зализняк А. А. Древненовгородское койнэ // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 60–78.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.

Мжельская О. С. Лексика судоходства в «Разговорнике» Т. Фенне // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 4. Л., 1988. С. 127–142.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.

Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1991.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л.; СПб., 1967–.

Приамур. сл. – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. СПб., 1984–.

СОРЯМР XVI–XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–. СПб., 2005–.

- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1893–1903. Т. 1. 1893.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1966–.
- Татищев В. Н.* Избранные труды. Л., 1979.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. 2-е изд. М., 1994.
- ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987 (1-е изд. М., 1964–1973).
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–. М., 1974–.
- Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. Т. 1: А–К. Warszawa, 2000.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch: In 2 Bd. Heidelberg, 1908–1913.
- DEWOS – *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1991.
- Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit: In 4 Bd. Wiesbaden, 1963–1975.
- Fenne – *Tönnies Fenne's* Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607 / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen, 1970.
- FT – *Falk H., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch: In 2 Bd. 2. Aufl. Heidelberg, 1960.
- Futaky I.* Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen. Wiesbaden, 1975.
- Gardiner S. C.* German Loanwords in Russian. 1550–1690. Oxford, 1965.
- Kluge F.* Seemannssprache. Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit. Halle a. d. Saale, 1911.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23. erw. Aufl. / Bearb. bei E. Seebold. Berlin; New York, 1999.
- Meulen R., van der.* De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch // Verhandelingen der Koninklijke Akad. van Wetenschappen te Amsterdam. 1909. D. 10, No. 2.
- ODEE – The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C. T. Onions, with the assistance of G. W. S. Friedrichsen, R. W. Burchfield. Oxford, 1996.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego: W 5 t. Kraków, 1952–1982.
- Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański: W 8 t. / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław, Warszawa etc., 1974–2001. Т. 1: А–В. 1974. S. 43–141.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja: In 3 volyymit. Helsinki, 1992–2000.
- Stipa G. J.* Vom Ostseefinnischen bis zum Samojedischen reichender Lehnwortschatz im «Russian Vocabulary» (1618–1619) des Richard James // Journal de la Société finno-ougrienne. 1981. Iss. 77. S. 41–66.
- Thomas G.* Russian naval terms from German // The Slavonic and East European Review. 1971. Vol. 49, No. 115.
- Thörnqvist C.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala; Stockholm, 1948.

Список сокращенных названий языков, диалектов и говоров

Англ. – английский; **блр.** – белорусский; **волог.** – вологодский; **голл.** – голландский; **греч.** – греческий; **груз.** – грузинский; **датск.** – датский; **др.-датск.** – древнедатский; **др.-новг.** – древненовгородский; **др.-сканд.** – древнескандинавский; **зап.-рус.** – западнорусский; **итал.** – итальянский; **копт.** – коптский; **лат.** – латинский; **лит.** – литовский; **манс.** – мансийский; **марийск.** – марийский; **н.-нем.** – нижненемецкий; **нан.** – нанайский; **нег.** – негидальский; **нем.** – немецкий; **нен.** – ненецкий; **нивх.** – нивхский; **низям.** – низямский; **новов.-нем.** – нововерхненемецкий; **норв.** – норвежский; **обд.** – обдорский; **онеж.** – онежский; **осет.** – осетинский; **перс.** – персидский; **польск.** – польский; **праслав.** – праславянский; **пск.** – псковский; **рус.** – русский; **тунг.** – тунгусский; **сельк.** – селькупский; **ср.-в.-нем.** – средневенхненемецкий; **ср.-голл.** – среднеголландский; **ср.-лат.** – среднелатинский; **ср.-н.-нем.** – средненижненемецкий; **ст.-рус.** – старорусский; **ст.-укр.** – староукраинский; **ст.-франц.** – старофранцузский; **т.-маньчж.** – тунгусо-маньчжурский; **твер.** – тверской; **тунг.** – тунгусский; **тюрк.** – тюркский; **ульч.** – ульчский; **ф.-перм.** – финно-пермский; **фин.** – финский; **франц.** – французский; **хаб.** – хабаровский; **хант.** – хантыйский; **южнорус.** – южнорусский.

A. E. Anikin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, alexandr_anikin@mail.ru*

On the origin of some Russian Siberian words from the sphere of material culture. II. Water transport: «сойма», «буса», «камья» («комяга», «комляга», «коняги»), «барка», «халка»

The paper continues the earlier series of publications devoted to the origin and history of Russian, especially Russian-Siberian, designations of ships (sea and river) and boats. The interest aroused by this group of words consists primarily in the fact that they represent the objects of material culture that played a very significant role in the Russian colonization of vast areas of the North and Siberia and outstanding geographical discoveries. In the first paper, the terms *коч*, *бат*, and *ветка* were examined. The present publication deals with the old Russian and dialectal words *сойма*, *буса*, and *камья* (and variants), *барка* and *халка*. Not only the origin of words is considered but also the other aspects of their history and geography.

The term *сойма* (*soyma*) 'a kind of a ship' does not seem to have been attested in the sources of the Russian language in Siberia. However, it did exist in the interval between the late 16th and 18th centuries in Siberia (Mangaseya), as evidenced by the report of the Englishman V. Pursglove in 1611. It is an example of the North Russian word, used once in Siberia, but subsequently not established there. The lexicon of Russian pioneers and early Russian inhabitants of Siberia included many words which for various reasons were not established beyond the Urals and left no traces of their existence either in the monuments of writing or dialects. Such words should be reflected in the historical dictionaries of the Russian-Siberian vocabulary.

Буса 'a kind of a ship' was known in the Middle Ages from Venice to Iceland. It was borrowed from Germanic languages into Russian, most likely in the Baltic Northwest. From Novgorod, the word was assimilated by Moscow, and in the Moscow epoch, especially intensively in the 16th–17th centuries, it was carried to the Volga, the Caspian Sea, and Siberia regions.

To explain the dialecticisms *камья*, *комяга*, *комляга*, *коняги* 'a kind of a boat, of a ship' the variants *коняги*, *коняга* reflecting the relic of the phonetics of the Old Norse dialect, are of crucial importance, namely, the development of *мл' > н'* as in the case of *крень* – *кремль*, *на зени* – *на земли* etc.

One of the lexical relics of the North Russian colonization, a continuation of the Novgorod colonization, can be seen in the word *барк* ‘a kind of a ship’, which was witnessed in Siberia in the 17th century with the meaning ‘river cargo ship’.

The word *чалка* ‘a barge’ is a good example (one of quite numerous) of the situation when Russian words borrowed from the languages of Siberia are connected to the ancient lexical relations between these languages (lexical isoglosses, borrowings).

Keywords: material culture, vocabulary, etymology, water transport, names.

DOI 10.17223/18137083/64/16

References

Abayev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka: V 4 t.* [A historical and etymological dictionary of Ossetic language: in 4 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1958–1989. Vol. 1: A–K', 1958.

Alekseyev M. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv.: Vvedeniye, teksty i kommentarii. 3-e izd.* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of 13–17th centuries: Introduction, texts and commentaries. 3rd ed.]. Novosibirsk, Nauka, 2006.

Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimst-vovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov. 2-e izd., dop.* [Etymological dictionary of the Russian dialects of Siberia. 2nd ed., compl.]. Moscow, Novosibirsk, 2000.

Anikin A. E. O proiskhozhdenii nekotorykh russkikh slov iz sfery material'noy kul'tury. I. Vodnyy transport: “koch”, “bat”, “vetka” [On the origin of some Russian Siberian words from the sphere of material culture. I. Water transport: “koch”, “bat”, “vetka”]. *Siberian Philological Journal*. 2017, no. 3, pp. 140–149.

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskii slovar'. Vyp. 1* [Russian etymological Dictionary. Iss. 1]. Moscow, 2007.

Bańkowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1: A–K.* Warszawa, 2000.

Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch: In 2 Bd.* Heidelberg, 1908–1913.

Bogorodskiy B. L. O poluzabytom sudovom termine “komyaga” [About half-forgotten ship-term “komyaga”]. In: *Bryanskiye govory. Materialy i issledovaniya po dialektologii. (K izucheniyu bryanskikh govorov)* [Bryansk dialects. Materials and research on dialectology. (To the study of Bryansk dialects)]. Leningrad, 1968, pp. 89–103. (Uch. zap. Leningr. gos. ped. in-ta im. Gertsena; T. 325 [Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Inst. named after Herzen; Vol. 325]).

Bogorodskiy B. L. Sudovoy termin “busa” [The ship’s term “busa”]. In: *Pskovskiye govory II* [Pskov dialects II]. Pskov, 1968, pp. 240–250.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo li-teraturnogo yazyka: V 2 t. 2-e izd.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian literary language: in 2 vols. 2nd ed.]. Moscow, 1994.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [An explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow, GIS, 1955. (Nabrano i napech. so 2-go izd. [Set up and printed from the 2nd ed]. St. Petersburg, Moscow, 1880–1882.).

Dem'yanov V. G. *Inoyazychnaya leksika v istorii russkogo yazyka XI–XVII vekov. Problemy morfologicheskoy adaptatsii* [Foreign vocabulary in the history of the Russian language of 11–17th centuries. The problems of morphological adaptation]. Moscow, 2001.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit: In 4 Bd.* Wiesbaden, 1963–1975.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. O. N. Trubachev (Ed.). Iss. 1. Moscow, 1974.

Falk H., Torp A. *Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch: In 2 Bd. 2. Aufl.* Heidelberg, 1960.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 2-e izd.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German and compl. by O. N. Trubachev. Moscow, 1986–1987 (1st ed. Moscow, 1964–1973).

Futaky I. *Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen.* Wiesbaden, 1975.

Gardiner S. C. *German Loanwords in Russian. 1550–1690.* Oxford, 1965.

- Kluge F. *Seemannssprache. Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit*. Halle a. d. Saale, 1911.
- Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23. erw. Aufl. Bearb. bei E. Seebold. Berlin; New York, 1999.
- Lytkin V. I., Gulyayev E. S. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi Language]. Moscow, 1970.
- Larin B. A. *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhejmsa (1618–1619 gg.)* [Russian-English Dictionary-diary of Richard James (1618–1619)]. Leningrad, 1959.
- Meulen R., van der. De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch. In: *Verhandeligen der Koninklijke Akad. van Wetenschappen te Amsterdam*. 1909. D. 10, No. 2.
- Mželskaya O. S. Leksika sudokhodstva v "Razgovornike" T. Fenne [Vocabulary of Navigation in T. Fenne's Manual of Russian]. In: *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*. Vyp. 4 [Russian historical lexicology and lexicography. Iss. 4]. Leningrad, 1988, pp. 127–142.
- Myznikov S. A. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada*. 2-e izd., ispr. i dop. [Atlas of the substrate and borrowed Vocabulary of Russian Dialects of the Northwest. 2nd ed., corr. and compl.]. St. Petersburg, 2007.
- Panin L. G. *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri XVII–XVIII vv.* [The dictionary of Russian folk-dialectal speech in Siberia, 17–18th centuries]. Novosibirsk, 1991.
- Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi*. Vyp. 1 [The Pskov regional Dictionary with historical data. Iss. 1]. Leningrad, 1967.
- Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [The dictionary of the Russian dialects of Amur region]. Moscow, 1983.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Vyp. 1 [The dictionary of the Russian language of 11–17th centuries. Iss. 1]. Moscow, 1975.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* Vyp. 1 [The dictionary of the Russian language of 18th century. Iss. 1]. St. Petersburg, 1984.
- Slovar' obikhnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* T. 1 [The dictionary of the everyday Russian language in Moscow Rus' of 16–17th centuries. Vol. 1]. St. Petersburg, 2005.
- Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for Old Russian Language dictionary: in 3 vols]. St. Petersburg, 1893–1903. Vol. 1, 1893.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 1 [The dictionary of Russian folk dialects. Iss. 1]. Moscow, Leningrad, 1966.
- Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin, 1966–1991.
- Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, 1969.
- Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego: W 5 t.* Kraków, 1952–1982.
- Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. In: *Słownik prasłowiański: W 8 t.* Ed. by F. Sławski. Wrocław, Warszawa etc., 1974–2001. T. 1: A–B. 1974. S. 43–141.
- Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja: In 3 volyymit.* Helsinki, 1992–2000.
- Stipa G. J. Vom Ostseefinnischen bis zum Samojedischen reichender Lehnwortschatz im "Russian Vocabulary" (1618–1619) des Richard James. *Journal de la Société finno-ougrienne*. 1981, Iss. 77, S. 41–66.
- Tatishchev V. N. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Leningrad, 1979.
- The Oxford dictionary of English etymology*. Ed. by C. T. Onions, with the assist. of G. W. S. Friedrichsen, R. W. Burchfield. Oxford, 1996.
- Thomas G. Russian naval terms from German. *The Slavonic and East European Review*. 1971, vol. 49, no. 115.
- Thörnqvist C. *Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen*. Uppsala; Stockholm, 1948.
- Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov 1607. Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen, 1970.
- Van der Kop A. K voprosu o gollandskikh terminakh po morskomu delu v russkom yazyke [To the question of the Dutch terms of the naval case in Russian]. In: *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk* [Bulletin of the Academy of sciences, Department of Russian Language and Literature]. 1910, vol. 15, bk 4.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskoye koyne* [Old Novgorod Koiné]. In: *Balto-slavyanskiye issledovaniya* 1986 [Balto-Slavic studies 1986]. Moscow, 1988, pp. 60–78.